

RU

Интертекстуальные способы художественной когниции (на материале лирического цикла «Сивиллы» Р. Фэйнлайт)

Линниченко С. И.

Аннотация. Цель исследования – выявление интертекстуальных способов художественной когниции в лирике британской поэтессы Р. Фэйнлайт. Научная новизна исследования заключается в том, что интертекстуальность рассматривается как способ художественной когниции. Автор определяет традиционные темы лирики британского постмодерна, такие как переосмысление архетипов, современный быт, политические, социальные и моральные проблемы, личностные переживания, а также выявляет специфические характеристики творческого мышления поэтов эпохи постмодерна: интертекстуальность, нелинейность, незавершённость, фрагментарность и взаимодействие с читателем. Помимо этого, установлены следующие интертекстуальные способы художественной когниции, функционирование которых рассматривается на материале лирического цикла «Сивиллы». Дополненная аллюзия базируется на культурно-исторических прецедентах, получающих новые характеристики, в то время как аллюзийный поток включает в себя многочисленные отсылки к другим источникам, а двойная аллюзия сопоставляет разные интертекстуальные планы. Интертекстуальные метафоры Р. Фэйнлайт, как правило, дополнены двойными аллюзиями. При этом фальсификация интертекста репрезентируется вымышленными цитатами. В результате интертекстуальность лирики Р. Фэйнлайт определена как особая когнитивная практика эпохи постмодерна.

EN

Intertextual methods of artistic cognition (on the material of the lyrical cycle “Sibyls” by R. Fainlight)

Linnichenko S. I.

Abstract. The aim of the research is to identify intertextual methods of artistic cognition in the lyrics of the British poetess R. Fainlight. The research novelty lies in considering intertextuality as a method of artistic cognition. The author defines the traditional themes of British postmodern poetry, such as reinterpreting archetypes, contemporary life, political, social, and moral issues, personal experiences, while also revealing the specific characteristics of the creative thinking of poets in the postmodern era: intertextuality, non-linearity, incompleteness, fragmentariness, and interaction with the reader. In addition, the following intertextual methods of artistic cognition, as observed in the poetic cycle “Sybils”, are established. The augmented allusion is based on cultural-historical precedents that acquire new characteristics, whereas the allusive flow includes numerous references to other sources, and the double allusion juxtaposes different intertextual planes. R. Fainlight’s intertextual metaphors are typically complemented by double allusions. Moreover, falsification of the intertext is represented by fabricated quotations. As a result, the intertextuality of R. Fainlight’s poetry is defined as a distinct cognitive practice of the postmodern era.

Введение

В настоящее время попытки осмысления художественной когниции становятся всё более актуальными, т. к. различные научные направления, ориентированные на изучение феномена познания, объединились в рамках когнитивной науки, что привело к возникновению инновационных исследовательских практик, открывающих новые горизонты для учёных-когнитивистов. При этом становится всё более очевидным, что выявление механизмов творческого озарения будет иметь большое значение как для естественных наук, объектами изучения которых являются, например, человеческий мозг или искусственный интеллект, так и для гуманитарных, исследующих языковые когнитивные парадигмы.

Задачи работы заключаются в следующем: 1) проанализировать специфику феномена художественной когниции в рамках философии постмодерна; 2) определить особенности британской постмодернистской лирики; 3) выявить специфику функционирования интертекстуальных средств в лирике Р. Фэйнлайт.

Выбор методов исследования обусловлен целью и совокупностью поставленных задач. Метод описания и обобщения использовался для определения специфики феномена художественной когниции в рамках философии постмодерна. Сбор материалов для исследования был выполнен с помощью метода сплошной выборки. С целью установления особенностей британской постмодернистской лирики и выявления способов языковой реализации интертекстуальной когнитивной практики в лирике Р. Фэйнлайт были использованы лингвистический анализ художественного текста, интерпретационный, лексический и контекстуальный анализ.

Материалом исследования послужила лирика британского постмодерна, представленная в следующем источнике: В двух измерениях: современная британская поэзия в русских переводах. М.: Новое литературное обозрение, 2009. В качестве справочного материала были использованы Словарь постмодернизма (<https://slovar.cc/isk/postmodern/2479094.html>), словарь-справочник (Грейдина Н. Античность от А до Я. М.: АСТ; Восток-Запад, 2007), а также электронный справочный ресурс (Sullivan K. Ruth Fainlight // British Council. <https://literature.britishcouncil.org/writer/ruth-fainlight>).

Теоретической базой исследования послужили работы по когнитивной лингвистике, в частности труд Е. С. Кубряковой (2004, с. 13), в котором рассматриваются ментальные процессы при восприятии и осмыслении действительности, исследование Дж. Лакоффа (2004, с. 13-15), посвящённое телесной природе когнитивных процессов, труд Н. Хомского (1962, с. 89-90), в котором когниция представлена как свойство живых систем. Феномен художественной когниции рассматривался на базе работ В. П. Нерознака (1998, с. 112-116) о стандартной и креативной языковых личностях, В. И. Карасика (2004, с. 91), посвящённой феноменам дискурса и концепта, в частности в художественном творчестве, Н. Ф. Алефиренко (2003, с. 3-13) – о когнитивном стиле автора.

Теоретическую значимость исследования определяет комплексный анализ проблемы художественной когниции, а также философии и эстетики поэзии британского постмодерна. Помимо этого, определяются новые типы интертекстуальности как способа художественной когниции, дополняющие систему теоретического знания в данной области в рамках когнитивной лингвистики.

Практическая значимость исследования заключается в том, что оно может быть использовано при разработке общих и специальных курсов по языкознанию, когнитивной лингвистике, литературоведению.

Обсуждение и результаты

Феномен художественной когниции с точки зрения когнитивной лингвистики

В рамках философского знания очерчены определённые этапы развития мысли о феномене творческой когниции. В античности понятие творчества тесно сопряжено с идеей первоначала и воспринимается как неотъемлемая характеристика бытия человека. В средневековой философии творчество становится реализацией взаимодействия с Богом, который направляет творца. Философы эпохи Возрождения, утверждающей ценность гуманизма и индивидуальности, трактуют творчество как деятельность разума. При этом Ренессанс поднимает человеческий разум до уровня божественного. Эпоха философии Нового времени знаменуется рационалистическим подходом к творчеству, но в конце XIX – начале XX в. формируются иррационалистические концепции творчества, согласно которым оно являет собой единство субъективного и объективного, что, безусловно, оказало влияние на современные когнитивные исследования. В наши дни, когда происходит поворот к эволюционно-синергетической картине мира, творческая деятельность рассматривается с разных позиций. Во-первых, в основе творчества современные философы видят механизм самоорганизации, что позволяет говорить о нём как о динамической системе. Во-вторых, формируется понимание коммуникативной модели творчества, и, в-третьих, происходит максимальное приближение к реальности творческих практик (Раитина, 2021, с. 8-10).

Современная когнитивная лингвистика исследует ментальные процессы, происходящие при восприятии, осмыслении и, следовательно, познании действительности сознанием, а также виды и формы их ментальных репрезентаций. При этом конечной задачей когнитивной лингвистики является «получение данных о деятельности разума» (Кубрякова, 2004, с. 13).

В отечественной лингвистике особую актуальность в связи с активным развитием нейронауки приобретают исследования смыслопорождающих механизмов языка, которые, несомненно, являются одним из самых перспективных направлений.

Когнитивная лингвистика неоднородна и развивается в русле разнообразных подходов. В первую очередь необходимо разделить классический американский когнитивизм и российские исследования, сосредоточенные в основном на структурно-семантических категориях.

В рамках американской когнитивной лингвистики можно определить подход, который исходит из рационалистического понимания когниции как свойства живых систем (Хомский, 1962, с. 89-90), а также подход, базирующийся на понимании когнитивных процессов как процессов телесных (Лакофф, 2004, с. 13-15).

В русле отечественной когнитивной лингвистики различают следующие крупные направления: изучение языкового сознания (Кубрякова, 2004, с. 13; Нерознак, 1998, с. 112-116); языковой картины мира, языковых категорий (Потебня, 1999, с. 83), концептуальных структур и дискурса (Карасик, 2004, с. 91; Попова, Стернин, 2001, с. 54).

В лингвистическом знании проблема творческой инновативности рассматривается в рамках исследований, посвящённых креативной языковой личности, художественной картине мира, идиостилю и художественному концепту.

Наряду со стандартной языковой личностью рассматривается нестандартная, или креативная, проявляющаяся в художественном тексте (Нерознак, 1998, с. 114). Креативные тексты, выражающие мысли и чувства автора, с точки зрения адресата, являются fascinativными, т. е. оказывающими эмоциональное воздействие. Восприятие подобных текстов требует от читателя повышенного внимания к внутренней форме слова (Карасик, 2004, с. 91). Креативность языковой личности в пространстве художественного текста находит выражение в особом авторском языке, специфичном словообразовании, сочетаемости лексем, средствах языковой выразительности. При этом новый художественный смысл возникает в ходе реинтерпретации, инновационного прочтения текста.

Исследование когнитивного стиля позволяет проследить путь формирования произведения, начиная от замысла автора до итогового результата (Алефиренко, 2003, с. 3-13), который являет собой концепт, аккумулирующий в себе информационную составляющую и образное представление художника о данном фрагменте действительности. Подобный концепт обозначается как художественный, т. е. глобальная ментальная единица чувственного восприятия, играющая свою определённую роль в общей концептосфере произведения (Огнева, 2013, с. 53).

Художественный концепт рассматривается как универсальная составляющая художественного текста, аккумулирующая опыт автора, его мировоззрение и ценностную систему, что ведёт к формированию инновационных художественных смыслов. Художественный концепт представляет собой единицу авторской картины мира, выраженную в особом языке (Колесникова, 2007, с. 73-74). Главным отличием художественного от других типов концептов является неопределённость возможностей, т. к. слово в художественном тексте может обретать новые, иногда совершенно неожиданные значения. Согласно И. А. Тарасовой (2003, с. 152), художественный концепт не подчиняется логическим законам, не имеет чёткой связи с реальностью, служит созданию образа, обладает индивидуальной эстетикой.

Многочисленные лингвистические исследования в наши дни посвящены феномену смыслопорождения посредством внутренней языковой формы. В частности, метафора как когнитивный механизм уже несколько десятилетий находится в фокусе лингвистов.

В прошлом столетии господствовало мнение о том, что за метафорическое сознание отвечает правое полушарие мозга, однако современные данные специалистов в области нейробиологии говорят об обратном. Это объясняется тем, что в левом полушарии в момент восприятия речи активируется семантическое поле, позволяющее установить связи между смысловыми единицами, в то время как в правом полушарии активируются нейроны, охватывающие признаки, отдалённо связанные с контекстом, что ведёт к возникновению ассоциативного ряда и позволяет интерпретировать метафоры (Shelepin, 2020, р. 147-150).

Отмечается также особый интерес современных лингвистов к проблеме лингвокреативности в рамках дискурса. Под лингвокреативностью понимается творческая способность языковой личности создавать инновационные единицы языка по аналогии с существующими, а также ментальные конструкты, отражающие действительность (Заложных, 2016, с. 81-88).

В рамках когнитивно-дискурсивного подхода описываются механизмы взаимодействия между языком и концептуальной системой индивида. Новая лингвокреативная единица порождает новую когнитивную модель, участвуя, таким образом, не только в номинативных процессах, но и в реализации различных дискурсивных функций, а также интеграции текстов (Кшенювская, 2023, с. 66-70).

Итак, можно заключить, что феномен художественной когниции в русле современной когнитивной лингвистики понимается как свойство живых систем и исследуется с точки зрения языковых категорий, языковой картины мира и концептуальных структур. Художественная когниция рассматривается как проявление креативной языковой личности, результатом деятельности которой становится художественный концепт, аккумулирующий мировоззрение автора и формирующий новые смыслы. При этом смыслопорождение происходит посредством внутренней языковой формы, вписанной в уникальную картину мира автора, а инновационные единицы языка ведут к формированию новых когнитивных моделей.

Специфика феномена интертекстуальности как неотъемлемой характеристики постмодернистской поэтики

Творчество эпохи постмодерна ознаменовало формирование инновационных способов художественной когниции, что обусловлено новой философией и эстетикой. Постмодернистская поэтика является поливалентной, т. к. к её характеристикам относятся дисгармония, асимметрия, интертекстуальность и дуализм (Маньковская, 2000, с. 157-158). Авторы по-своему трактуют классические традиции, сочетая их с ультрасовременными техниками. Постмодернистский диалог с историей культуры создаёт тенденцию к антропоморфизации, фигуративности, эмпатии и порождает двойной код, усиливающий игровое начало. Данному направлению свойственны плюрализм, эклектика и театрализованность (Маньковская, 2000, с. 159).

Постмодернизм в искусстве зарождается в США в конце 1950-х годов. Классическими образцами американского постмодерна в литературе являются, например, Д. Сэлинджер, Н. Мейлер, Д. Керуак и др. (Маньковская, 2000, с. 161). В 1970-е годы постмодернистское искусство завоевало Европу, где ключевой фигурой как в рамках теории, так и в творчестве становится У. Эко (2020, с. 175), провозгласивший идею метаязыка искусства. Конец 1970-х годов ознаменован философской концепцией Ж. Деррида (2012, с. 245): «мир как текст» и деконструкция художественных смыслов.

В наши дни постмодернизм – это эстетика оксюморона (Деррида, 2012, с. 165). Диссонансы становятся эстетической нормой, а художественный фристайл – основным формообразующим признаком. В художественной практике постмодерна смешиваются историческая память и неологизмы. Размываются границы между жанрами и стилями, а посредством языковой игры реализуются неограниченные комбинаторные возможности (Деррида, 2012, с. 180).

Особое значение в рамках искусства эпохи постмодерна обретает феномен интертекстуальности. Согласно Ю. Кристевой (2004, с. 400), интертекстуальность следует понимать как пермутацию текстов, их ассоциативное взаимодействие.

В зависимости от цели автора можно выявить три типа интертекстуальных отношений: риторическую интертекстуальность, которая репрезентируется цитатами, текстовыми аппликациями, аллюзиями, парафразами, травестированием, пародированием и творческим подражанием другому автору (Redmond, 2009, p. 10); спонтанную интертекстуальность, которая возникает между оригиналом и его переводом, адаптацией или новой редакцией, а также криптофорную интертекстуальность, т. е. плагиат (Rose, 1993, p. 69). Большинство современных исследователей придерживаются мнения, что интертекстуальность не является стилистическим средством, но представляет собой ассоциативную базу для аллюзий, цитирования, аппликаций, парафраза и других интертекстуальных фигур (Москвин, 2013, с. 54). Все данные фигуры имеют в своей основе пре-текст, т. е. другой текст, что предполагает ретроактивную апелляцию, опору на память (Hebel, 1991, p. 138). М. Риффатер обозначает взаимодействие между интертекстуальной единицей и её пре-текстом термином «силлепсис» (Riffaterre, 2008, p. 637-638). Все тексты, вступающие в ассоциативный диалог друг с другом, формируют гипертекст (Davudova, Egorova, Kovalevich et al., 2016, p. 60-62).

В связи с тем, что любой текст содержит два плана, определяют два типа интертекстуальности: материальную, заимствующую элементы плана выражения (Intertextuality. Research in Text Theory, 1991, p. 7), и тематическую, основанную на плане содержания, т. е. темах, мотивах, сюжетах и образах (Lemke, 2004, p. 7). На уровне выражения различают коммеморантные единицы, обладающие интертекстуальной коннотацией, а также единицы, принадлежность которых к другому тексту не определяема. Среди коммеморантных единиц определяют двусторонние, т. е. аллюзийные, к которым можно отнести авторские неологизмы на основе аллюзий, ономастические аллюзии, а именно собственные имена различных мифологических героев или исторических персонажей, прецедентные высказывания; и односторонние интертекстуальные единицы, а именно определённые маркеры стиля общеизвестных авторов. Единицы, не опознаваемые как принадлежащие к определённому тексту, включают в себя стереотипы и заимствования из текстов, не знакомых широкой публике (Miola, 2004, p. 43).

Таким образом, интертекстуальность как неотъемлемая характеристика постмодернистского творчества находит своё выражение во взаимодействии текстов с помощью аллюзий, цитат, парафраза, аппликаций, пародий и других лингвостилистических средств, формируя гипертексты, уникальность которых определяется авторской интенцией. Однако специфика феномена интертекстуальности постмодерна состоит в том, что она становится новой когнитивной практикой (Линниченко, 2021, с. 105), предполагающей художественное осмысление образов из разных исторических эпох и культур и является своеобразным инструментом постижения мира, который одинаково доступен как автору, так и читателю.

Тематическое своеобразие и языковая специфика лирики британского постмодерна

В то время как постмодернистский роман довольно широко исследован в современном гуманитарном знании, в частности в рамках теории литературы и лингвистики, поэзия остаётся мало изученной областью. Выбор британской лирики в качестве объекта исследования обусловлен не только тем фактором, что она представляет собой уникальный языковой материал, но также тем, что специфика художественной когниции современных британских поэтов практически не изучена (Глухенькая, 2021, с. 115-120).

Зарубежная критика не всегда рассматривает постмодернистскую лирику как отдельное направление современной английской литературы, т. к. феномен постмодернизма многие британские филологи посчитали спорным и дистанцировались от него. Тем не менее современное литературное творчество Великобритании в наши дни всё чаще отождествляется с постмодерном. В настоящем исследовании мы будем использовать термин «постмодернистская лирика» применительно к поэтическим текстам, отражающим идеологию данного направления и содержащим средства художественной выразительности, характерные для постмодернизма. Таким образом, к британским поэтам, чьё творчество лежит в рамках постмодернистских традиций, можно отнести Ф. Эдкок, К. Руменс, Б. Шонесси, Д. Энрайт, Ф. Сэмсон, Дж. Лимберг, Дж. Кэй, У. Херберт, Э. Стивенсон, К. Э. Даффи, Р. Фэйнлайт и др.

При этом многие британские поэты, такие как Х. Миррлис, Э. Паунд, М. Лой, Д. Джонс, Х. Макдиармид, У. С. Грэм, в последние годы относят себя к так называемым «неомодернистам» или «поздним модернистам», выражая тем самым протест постиндустриальной идеологии и отдавая предпочтение более консервативным взглядам (Глухенькая, 2021, с. 115-120).

Значительное влияние на лирику британского постмодерна оказала проза, что нашло своё выражение в переосмыслении архетипных сюжетов и образов из истории, литературы и религии. На фоне сопоставления с текстами античности и Священного Писания переоцениваются современный быт, семья, классовые и гендерные отношения, конкретный человеческий опыт и др. Пытаясь понять современный мир, поэты обращаются к проблемам нравственности в постиндустриальной эре, устанавливая диалог с читателем. Помимо этого, активно разрабатывается тема государственности и политики. Британский поэт Р. Олсен утверждает,

что в послевоенной британской поэзии наблюдается раскол между модерном и современными идеями. Постмодернизм возник как протест по отношению к модернизму, но современная британская лирика полностью не приняла новаторской поэтики постмодерна.

Специфической чертой лирики британского постмодернизма является феномен «женского письма» и «женской поэзии». В лирических текстах британской «женской поэзии» превалируют такие темы, как осознание своей идентичности, принадлежности к определённой традиции, а также особое женское восприятие окружающего мира (Kennedy, 2013, p. 192).

Основными характеристиками поэтического языка британских поэтов являются интертекстуальность, незавершенность, нарративное перераспределение, фрагментарность, активная вовлеченность читателя. В творчестве многих современных поэтов просматривается особое отношение к самому языку, который выдвигается на первый план и становится не только средством, но и темой. Распространёнными приёмами являются двойное кодирование как на лексическом уровне, так и на уровне формы и жанра; нонселекция, т. е. признание возможности параллельного существования различных и альтернативных культурных программ и стратегий, а также ризома – новый тип эстетических связей, нелинейных, хаотичных, множественных (Словарь постмодернизма). Язык при этом рассматривается как код, способный репрезентировать различные идеологии.

Можно заключить, что к ведущим темам лирики британского постмодерна относятся переосмысление исторических, литературных и религиозных архетипов, современный быт, политические, социальные и моральные проблемы, а также личностные переживания. Поэтика британского постмодерна характеризуется интертекстуальностью, нелинейностью и незавершёностью, фрагментарностью и взаимодействием с читателем, что выражается на уровне языка при помощи двойного кодирования, нонселекции и ризомы. Особое место в рамках британского постмодерна занимает женская поэзия, для которой характерны интенсивный самоанализ, внимание к бытовым проблемам и попытки переосмысления роли женщины в современном мире, что реализуется за счёт многочисленных интертекстуальных приёмов.

Интертекстуальные способы художественной когниции в лирике британской поэтессы Р. Фэйнлайт

Одной из ярких представительниц «женской лирики» британского постмодерна является Рут Фэйнлайт (г. р. 1931), чья необычайно колоритная поэзия переосмысляет сохранившиеся ритуалы и традиции, обращаясь к образам Священного Писания, египетской Книги мёртвых, древнегреческим мифам, совмещая и сопоставляя при этом различные эсхатологии, библейские установки, женственность и современность.

Для лирики Р. Фэйнлайт характерен интенсивный самоанализ. Она уделяет особое внимание описанию бытовых мелочей, обретающих в её текстах чрезвычайно важное значение, т. к. они возводят повседневность до уровня сверхъестественного, мистического восприятия. Поэт замечает мельчайшие изменения в отношениях между героями и в мире природы, к которому относится особенно чутко.

Важную роль в её поэзии играет образ женщины, обладающей глубокой мудростью, что обрекает её на страдания. Большое внимание уделяется проблеме женского старения, которое рассматривается как естественный процесс со своей особой эстетикой.

Лирический цикл «Сивиллы» занимает особое место в творчестве поэта как квинтэссенция женского образа, интерпретируемого в русле мифологии и современности, который репрезентируется за счёт многочисленных интертекстуальных средств, в том числе новаторских.

Обращение к образу Сивиллы является мифологической аллюзией. В греческой мифологии Сивилла – это прорицательница, известная в основном предсказаниями бедствий. Данное имя впервые упоминается в трудах Гераклита. К знаменитым пророчествам Сивиллы принадлежат, например, предсказания о том, что спартанка Елена погубит Троя, об извержении Везувия, о печальной судьбе Энея и великом будущем основанного им города.

Предсказания Сивиллы были составлены в стихотворной форме и написаны гекзаметром на пальмовых листьях. Известно о девяти так называемых «Сибиллиных книгах» с предсказаниями. Они считались тайными и хранились особой коллегией в храме Юпитера Капитолийского. Содержание данных книг представляло собой смешение греческих, римских и других воззрений (Грейдина, 2007, с. 22).

Интертекстуальные способы авторской когниции были проанализированы на базе стихотворений «Элегантная Сивилла», «Куманская Сивилла», «Сивилла Иудейская», «Иссякшая Сивилла», «Ливийская Сивилла» и «Фригийская Сивилла».

При помощи лингвистического анализа художественного текста, а также интерпретационного, лексического и контекстуального анализа было установлено, что художественная когниция реализуется в данном лирическом цикле посредством следующих интертекстуальных приёмов: аллюзия, двойная аллюзия, дополненная аллюзия, аллюзийный поток, зевгма, фальсификация интертекста, интертекстуальная метафора.

Аллюзии встречаются во всех стихотворениях вышеобозначенного цикла. Помимо самого образа Сивиллы, Р. Фэйнлайт описывает римского царя Тарквиния Приска, Цирцею, Кибелу и упоминает такое мифологическое событие, как падение Вавилонской башни.

К новаторским интертекстуальным средствам относятся двойная аллюзия, дополненная аллюзия и аллюзийный поток.

Под дополненной аллюзией мы понимаем способ творческого осмысления действительности, основанный на том, что известный образ из сферы культуры, истории или искусства получает дополнительные,

в некоторых случаях вымышленные характеристики, что ведёт к возникновению новых художественных смыслов и наделяет данный образ новыми свойствами, вписывающими его в современную действительность. Подобное развитие общеизвестного образа посредством авторского вымысла в целом характерно для постмодернистского романа, в пространстве которого оно является стилистическим средством, играющим свою определённую роль в сюжете и общей системе образов, свойственных описываемой эпохе. Однако в лирических текстах постмодерна дополненная аллюзия становится способом художественной когниции, позволяющим в рамках небольшого по объёму текста открыть новый смысл, особым образом выраженный в поэтическом языке. Авторская фантазия Р. Фэйнлайт придаёт общеизвестному, укрепившемуся в стандартной картине мира представлению о каком-либо феномене или человеке уникальные «живые» черты, погружая его в знакомую среду путём слияния различных эсхатологий.

Стихотворение “Elegant Sibyl” / «Элегантная Сивилла» начинается с описания героини, которое представляет собой стандартную аллюзию из древнегреческой мифологии: пророчица, искусно распознающая ложь, повивавшая многое на своём пути и предсказавшая тысячи судеб. Её жизнь, являющая собой бесконечный поток просителей и лжецов, ярко и ёмко репрезентирована сложной синтаксической структурой первого предложения, составленного из герундиальных оборотов и однородных рядов:

“Having become an expert of false tones,
as the voices slide lower or higher than intended
out of control, having heard so many lies
seen so many faces altering crazily...” (В двух измерениях..., 2009, с. 198). /

«Научившись слышать малейшую фальшь,
когда голоса, вырываясь из-под контроля,
хрипнут или дают петуха,
наглядевшись на тысячи лгущих лиц...» (В двух измерениях..., 2009, с. 199).

Однако последние строки первой строфы отходят от общепринятого канона, и перед взором читателя предстаёт живая женщина, губы которой плотно сжаты, а взгляд пронизателен, как у дипломата:

“...her gaze is now withdrawn and watchful as a diplomat’s.
Her lips, though still full, meet firmly in a straight hard line” (В двух измерениях..., 2009, с. 198). /

«...она смотрит зорко и холодно, как дипломат,
её полные губы твёрдо сжаты» (В двух измерениях..., 2009, с. 99).

Неожиданное появление слова, вырванного из современного дискурса (diplomat), в данном лирическом тексте является зевгмой, т. е. сопряжением, общий компонент которого объединяет несовместимые разнородные контекстуальные смыслы (Москвин, 2013, с. 56), а в данном контексте – интертекстуальный (образ Сивиллы) и контекстуальный (проницательный взгляд пророчицы, как у дипломата).

Затем автор снова погружается в пространство мифа, описывая внешний облик Сивиллы, одетой в накидку, с высоким плюмажем на голове, перед красотой которой не мог устоять император, ежедневно приходивший к ней за предсказаниями, под которым подразумевается римский царь Тарквиний Приск, обещавший Сивилле купить её книги пророчеств.

Последняя строфа стихотворения полностью отходит от стандартного представления о пророчице. Поэт изображает её на исходе дня, когда Сивилла снимает своё облачение и предстаёт перед читателем коротко стриженной, в то время как на всех известных полотнах мы привыкли видеть её с длинными или убранными наверх волосами, например на полотне Микеланджело Буонарроти «Дельфийская Сивилла». В конце лирического текста Р. Фэйнлайт описывает, как происходит пророческое озарение:

“...and climbs into the deep stone bath of water so cold
that even at the height of summer the shudders, and in winter
the effort of will the action demands
has become her greatest indulgence.
Only then is she able to think of the god and wait his pleasure” (В двух измерениях..., 2009, с. 198). /

«...и садится в ванну, глубокую ванну из камня,
содрогаясь от холода, ибо вода ледяная
даже летом, но эта роскошь преодоления –
её тайная страсть.

Лишь теперь она ощущает себя во власти бога» (В двух измерениях..., 2009, с. 199).

Сивилла принимает ледяную ванну, что требует от неё чрезвычайных волевых усилий, но только в таком состоянии физического и морального напряжения она способна слышать бога и прорицать. Таким образом, Р. Фэйнлайт развивает уже обозначенную дополненную аллюзию, которая в конце лирического текста формирует новый художественный смысл: творческое озарение исходит из физического преодоления, возвышающего дух человека. Примечательно, что дополненная аллюзия в данном лирическом тексте противоречит мифу, согласно которому пророческим даром Сивиллу наделил Аполлон. Однако поэт открывает читателю своё уникальное видение механизма инсайта.

Данная тема получает своё развитие в стихотворении “The Libyan Sibyl” / «Ливийская Сивилла». При описании пророчесствующей Сивиллы поэт снова обращается к дополненной аллюзии, выражающей в данном контексте идею о том, что творческое озарение имеет телесное и даже животное начало. Прорицательница закрывает глаза и начинает танцевать, при этом само её тело становится псалмом:

“...appears about to move with the ease of a dancer:
a hind setting its feet on the highest place.
Blinded by heavenly light, her eyes are closed.
What need of text – her message a psalm of praise?” (В двух измерениях..., 2009, с. 206). /

«...она готовится к танцу, тянется не спеша
ввысь, оленихой вздыбленной перед уступом.
Веки сомкнуты от слепящего горнего света,
слов не надо, она сама – оживший псалом...» (В двух измерениях..., 2009, с. 207).

Двойная аллюзия в лирических текстах Р. Фэйнлайт – это обращение к интертекстуальному образу, отсылающему к другому интертексту, неразрывно связанному с ним. В отличие от двойного кодирования, характерного для постмодерна, когда имеет место игра писателя с несколькими разными смыслами, из которых массовый читатель воспринимает очевидный код, в то время как элитарный читатель – скрытый код (Лукинова, Глухенькая, 2015, с. 37-46), в случае с двойной аллюзией оба образа чётко обозначены в рамках стихотворения.

В лирическом тексте “The Phrygian Sybil” / «Фригийская Сивилла» образ предсказательницы за счёт двойной аллюзии сливается с образом Кибелы, или Великой Матери, которая в древнегреческой мифологии является именно фригийской богиней, покровительницей плодородия, врачевания и природы (Грейдина, 2007, с. 10):

“Speaking the language the first human spoke
on the mountain plateau, homeland of Kybel,
Great Mother of the Gods...” (В двух измерениях..., 2009, с. 208). /

«На языке, древнейшем из людских,
со скального плато, откуда родом
Кибела, мать бессмертных...» (В двух измерениях..., 2009, с. 209).

Двойная аллюзия в данном лирическом тексте подкрепляется посредством интертекстуальной метафоры. В современных лингвистических исследованиях метафора в целом рассматривается как когнитивная единица, участвующая в моделировании концептуальной действительности и активизирующая структуры мышления в разных плоскостях дискурса (Калашникова, 2023, с. 136). При этом интертекстуальная метафора основана на скрытом сопоставлении аллюзийных образов (Линниченко, 2021, с. 107). Неразрывная связь Фригийской Сивиллы и фригийской богини Кибелы позволяет автору при помощи интертекстуальной метафоры уподобить пророчицу весеннему возрождению жизни и надежде:

“The Phrygian Sybil
blesses the whole earth – rivers,
herds of horses, flowering vines
and lovers – making the oldest promise
in the name of the Mother: eternal life” (В двух измерениях..., 2009, с. 208). /

«Сивилла Фригийская
благословляет землю:
лозу и семя, реки, табуны,
любовников, и обещает всем –
от имени Праматери – всё то же:
жизнь вечную» (В двух измерениях..., 2009, с. 209).

Аллюзийный поток является более сложной по сравнению с двойной аллюзией структурой, включающей в себя несколько взаимосвязанных интертекстуальных образов, сочетание которых в рамках одного стихотворения создаёт приращение художественного смысла.

В лирическом тексте “The Hebrew Sibyl” / «Сивилла Иудейская» аллюзийный поток содержит две основные линии: первая из них – это пророчества о ветхозаветном апокалипсисе – падении Вавилонской башни. Вторая линия связана с рассуждениями прорицательницы о том, что разные народы видят её по-разному: греки считают эритрейкой, в Риме ходят слухи о сумасшедшей дочери Цирцеи, обладавшей пророческим даром. В связи с этим образ Сивиллы напоминает мозаику, составленную из различных мифов:

“Mortals in Hellas will claim me name me
as from another city of birth –
Erithrae – one of the shameless.
Others will say I had an unknown father
and my mother was Circe
brand me a crazy imposter” (В двух измерениях..., 2009, с. 209). /

«Греки примут меня за местную, станут звать –
по имени города, мне чужого –
эритрянкой бесстыдной и лживой.
Иные же пустят слухи, будто меня
родила Цирцея, отец неизвестен,
будто я сумасшедшая самозванка» (В двух измерениях..., 2009, с. 209).

Следует отметить, что этимология имени «Сивилла» действительно неясна. Считается, что именем «Сивилла» или «Сибилла» первоначально называли пророчицу из Трои, дочь царя Дардана. Однако в эллинистическое и римское время возникло представление о множестве прорицательниц, каждую из которых стали

называть Сивиллой, конкретизируя при этом место жительства: например, в Древней Греции наиболее известной была Дельфийская Сивилла, в Древнем Риме – Куманская, Тибуртинская и Римская (Грейдина, 2007, с. 22). Таким образом, выбор образа Сивиллы постмодернистским поэтом, возможно, обусловлен тем, что сама история данного персонажа является нелинейной и предполагает объединение различных эсхатологий.

В стихотворении “The Cumaean Sibyl” / «Куманская Сивилла» поэт обращается к такой разновидности фальсификации интертекста, как вымышленная цитата. Помимо вымышленных цитат, данный способ авторской когниции может быть репрезентирован стилизацией, отсылающей читателя к конкретному произведению; приписыванием всемирно известных изречений другим личностям (Линниченко, 2021, с. 107). В данном лирическом тексте Р. Фэйнлайт обращается к истории о том, как Сивилла предложила римскому царю Тарквинию Приску купить у неё девять книг с предсказаниями по очень высокой цене. Когда царь отказался, пророчица сказала, что сожжёт все книги, если он их не выкупит, и сожгла шесть книг. Однако авгуры (советники) убедили Тарквинию согласиться, и три книги были спасены (Грейдина, 2007, с. 22).

В последней строфе стихотворения вымышленная цитата приписывается римскому царю:

“...I'll pay your price.

More than my purse or mother, Sibyl,
is your worth to me, your prophecies
and wisdom” (В двух измерениях..., 2009, с. 200). /

«...Сивилла,
я заплачу свой выкуп. Всей казны
и даже матери родной дороже
твоя мне мудрость вещь» (В двух измерениях..., 2009, с. 201).

Вымышленная цитата создаёт образ царя, беззаветно верящего пророчице, ценящего её мудрость превыше всего в жизни.

Стихотворение “Blocked Sibyl” / «Иссякшая Сивилла» полностью построено на фальсификации интертекста. Само название лирического текста по своей грамматической структуре уподобляется остальным заголовкам данного цикла, включающим в себя прилагательное-топоним, определяющее место, где пророчица Сивилла, и её имя. При этом каждое название соответствует реальному мифу о предсказательнице, распространённом в конкретной местности, и ассоциируется с многочисленными произведениями искусства, объединёнными данным образом, например с широко известной картиной Микеланджело «Дельфийская Сивилла». Однако вышеупомянутое словосочетание “Blocked Sibyl” является авторским и, в отличие от остальных, не содержит топоним, заменённый в данном случае характеристикой эмоционального состояния – blocked (иссякшая).

Р. Фэйнлайт придумывает окончание жизненного пути пророчицы, создавая образ Сивиллы, исчерпавшей вдохновение. Поэт обращается к той ипостаси творца, которая обычно скрыта от глаз, но уготована каждому, наделённому даром. Согласно автору, творец не свободен, т. к. является вестником богов, и лишь в конце пути обретает свободу, лишаясь дара и почитателей:

“Finished
or freed; she knows as well
as they that she's useless now,
a blocked sibyl” (В двух измерениях..., 2009, с. 204). /

«То ли это конец, то ли это свобода –
только ясно одно: никому не нужна
сивилла, вычерпанная до дна» (В двух измерениях..., 2009, с. 205).

Фальсификация интертекста в данном стихотворении заключается в том, что автор дополняет общеизвестный образ мифологической Сивиллы собственными характеристиками, наделяя её скрытым стремлением к свободе и описывая глубокое разочарование пророчицы в людях и собственном даре. За счёт этого Р. Фэйнлайт, сравнивая свой личный путь с судьбой своей героини, сопоставляет удел пророка и поэта и приходит к выводу о том, что за любой дар приходится платить.

Заключение

Художественная когниция в рамках когнитивной лингвистики понимается как свойство живых систем, исследуется с точки зрения языковых категорий, языковой картины мира, концептуальных структур и вместе с тем рассматривается как проявление креативной языковой личности, аккумулирующей мировоззрение автора и формирующей новые смыслы. При этом смыслопорождение происходит при помощи особого художественного языка, вписанного в уникальную авторскую картину мира.

Специфика лирики британского постмодерна определяется как тематическим, так и языковым своеобразием. К традиционным темам можно отнести переосмысление исторических, литературных и религиозных архетипов, современный быт, политические, социальные и моральные проблемы, а также личностные переживания. Поэтика британского постмодерна характеризуется интертекстуальностью, нелинейностью и незавершённостью, фрагментарностью и взаимодействием с читателем, что выражается на уровне языка при помощи двойного кодирования, нонселекции и ризомы.

На основе проведённого анализа лирических текстов Р. Фэйнлайт можно сделать вывод, что для её поэзии характерны такие способы художественной когниции, в основе которых лежит интертекстуальность,

а именно: дополненная аллюзия, двойная аллюзия и аллюзийный поток, которые являются авторскими инновациями, а также интертекстуальная метафора и фальсификация интертекста. Дополненная аллюзия направлена на создание уникального образа, базирующегося на общеизвестных прецедентах из мировой культуры, но при этом получающего новые характеристики, позволяющие включить его в современную действительность. Двойная аллюзия направлена на сопоставление двух интертекстуальных планов, в то время как аллюзийный поток представляет собой более сложную структуру, содержащую многочисленные отсылки к другим источникам, за счёт чего художественный образ получает приращение смысла. Интертекстуальные метафоры, т. е. уподобление одного интертекстуального феномена другому, в творчестве Р. Фэйнлайт, как правило, дополняют двойные аллюзии. Фальсификация интертекста репрезентируется вымышленными цитатами, что позволяет выявить новые грани общеизвестных историй. В связи с этим интертекстуальность лирики Р. Фэйнлайт следует рассматривать как особую когнитивную практику эпохи постмодерна.

Перспективы проведённого исследования связаны с дальнейшим изучением языковых механизмов художественной когниции в лирических и прозаических текстах постмодерна.

Источники | References

1. Алефиренко Н. Ф. Вербализация концепта и смысловая синергетика языкового знака // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста: материалы международного симпозиума / отв. ред. Н. Ф. Алефиренко. Волгоград: Перемена, 2003.
2. Глухенькая Л. Н. Поливалентная поэтика постмодернизма в поэзии К. Э. Даффи // Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы: материалы V международного научного конгресса. Симферополь, 2021.
3. Деррида Ж. Поля философии. М.: Академический Проект, 2012.
4. Заложных В. В. Базовые понятия в функциональной лингвистике // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. 2016. Т. 2. № 4.
5. Калашникова Л. В. Метафора как средство создания новых смыслов в литературной сказке Л. Кэрролла // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2023. № 1 (48).
6. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004.
7. Колесникова В. В. Художественный концепт «душа» и его особенности (на материале произведений Б. Пастернака) // Теория и практика общественного развития. 2007. № 1.
8. Кристева Ю. Избранные труды: разрушение поэтики. М.: РОССПЭН, 2004.
9. Кубрякова Е. С. Язык и знание. М.: Языки славянской культуры, 2004.
10. Кшеновская У. Л. Функциональный аспект лингвокреативности // Когнитивные исследования языка. 2023. № 3-1 (54).
11. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: что категории языка говорят нам о мышлении. М.: Языки славянской культуры, 2004.
12. Линниченко С. И. Интертекстуальность как современная лингвокогнитивная практика: новые способы языкового выражения в литературе немецкого постмодерна // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2021. Т. 27. № 2.
13. Лукинова М. Ю., Глухенькая Л. Н. Двойное кодирование в постмодернистской поэзии британского поэта-лауреата Кэрл Энн Даффи // Мировая литература на перекрестке культур и цивилизаций. 2015. № 1 (9).
14. Маньковская Н. Б. Эстетика постмодернизма. СПб.: Алетейя, 2000.
15. Москвин В. П. Интертекстуальность: категориальный аппарат и типология // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2013. № 6 (81).
16. Нерознак В. П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // Сборник научных трудов Московского государственного лингвистического университета. М., 1998. Вып. 426.
17. Огнева Е. А. Когнитивное моделирование концептосферы художественного текста. Изд-е 2-е. М.: Эдитус, 2013.
18. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: ВГУ, 2001.
19. Потебня А. А. Мысль и язык. М.: Лабиринт, 1999.
20. Раитина М. Ю. Интерпретация творчества в культурно-исторической трансформации // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. 2021. № 9.
21. Тарасова И. А. Идиостиль Георгия Иванова: когнитивный аспект. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2003.
22. Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса. М.: МГУ, 1962.
23. Эко У. О зеркалах и другие истории. Реалистическая иллюзия. М.: Слово, 2020.
24. Davydova K., Egorova O., Kovalevich E., Tomasheva I. Quotation as an Element of Inter-textuality // Journal of Language and Literature. 2016. Vol. 7 (1).
25. Hebel U. J. Towards a Descriptive Poetics of Allusion // Intertextuality. Research in Text Theory / ed. by H. F. Plett. Berlin – N. Y.: W. de Gruyter, 1991.
26. Intertextuality. Research in Text Theory / ed. by H. F. Plett. Berlin – N. Y.: W. de Gruyter, 1991.
27. Kennedy D. Women's Experimental Poetry in Britain 1970-2010: Body, Time and Locale. Liverpool: Liverpool University Press, 2013.

28. Lemke J. L. Intertextuality and Educational Research // *Uses of Intertextuality in Classroom and Educational Research* / ed. by N. Shuart-Faris, D. Bloome. Greenwich, 2004.
29. Miola R. S. Seven Types of Intertextuality // *Shakespeare, Italy, and Intertextuality* / ed. by M. Marrapodi. Manchester: Manchester Univ. Press, 2004.
30. Redmond M. J. Shakespeare, Politics, and Italy: Intertextuality on the Jacobean Stage. Burlington – Farnham: Ashgate, 2009.
31. Riffaterre M. Syllepsis // *Critical Inquiry*. 2008. Vol. 6 (4).
32. Rose M. A. Parody: Ancient, Modern, and Postmodern. L.: Cambridge Univ. Press, 1993.
33. Shelepin K. Yu. Insight and Stress // *Integrative Physiology*. 2020. Vol. 2.

Информация об авторах | Author information

Линниченко Светлана Игоревна¹, к. филол. н., доц.

¹ Самарский государственный технический университет

Linnichenko Svetlana Igorevna¹, PhD

¹ Samara State Technical University

¹ s.linnichenko@gmail.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 17.01.2024; опубликовано online (published online): 15.03.2024.

Ключевые слова (keywords): художественная когниция; постмодернизм; лирика; интертекстуальность; artistic cognition; postmodernism; lyrics; intertextuality.